

Из винтовки по "Юнкерсу"*

Немного найдется в наше время бывших рядовых красноармейцев, которые наблюдали мобилизацию, что называется, "изнутри". Наш 45-й стрелковый корпус в мирное время существовал в "свернутом виде", а с объявлением войны каждый его полк должен был превратиться в дивизию, а каждый батальон — в полк. Я имел возможность наблюдать, как четко работали военкоматы, ими были приведены в действие мобилизационные планы, тщательно подготовленные еще в мирное время. Согласно им в распоряжение корпуса прибывали не только военнообязанные граждане, но и приписанные к нему шоферы с автомашинами и даже ездовые с лошадьми. Я видел, как были распечатаны многочисленные склады, местонахождение которых до тех пор держалось в тайне. В них хранилось огромное количество обмундирования и оружия, необходимого для оснащения войск при мобилизации. В складах вещевого имущества находились аккуратно перевязанные солдатские майки, которые в то время шили из темно-синего сатина, и трусы из того же материала, хлопчатобумажные гимнастерки и брюки для обмундирования в летнее время, ватные брюки со стегаными куртками для зимы, меховые теплые полушубки, поражавшие своим необычным элегантным светло-бежевым цветом, шинели, сапоги и каски, котелки, саперные лопатки, фляги и т. д. Стопками лежали новые валенки и меховые ушанки из искусственного меха для рядовых и из натурального меха для командиров. Там же находились комплекты амуниции для командиров, изготовленные из натуральной первоклассной кожи: ремни, портупеи, кобуры для пистолетов, командирские сумки, планшеты для топографических карт. В специальном складе находилось бесчисленное количество алюминиевых ложек, там же были и котелки для пищи новой усовершенствованной формы, они удобно прилегли к туловищу и были снабжены крышкой, которая одновременно могла служить миской для каши. На отдельных площадках были установлены в ряд новые полевые кухни, которые, в отличие от старых, были на резиновом ходу для буксировки автомобилем.

Оружие в специальных деревянных ящиках, обильно смазанное жиром и упакованное в прожиренную бумагу, множество ящичков с патронами и гранатами находились в специальных складах. Многие виды оружия

*Фрагмент книги воспоминаний

до этого были засекречены. Так, мы никогда до этого не держали в руках десятизарядную полуавтоматическую винтовку СВТ-10, которую я получил тогда взамен устаревшей трехлинейной. Автоматов было мало (они тогда назывались "пистолеты-пулеметы"). После финской войны, которая обнаружила нехватку у нас этого важного в современной войне огнестрельного оружия, которого, кстати, у финнов было предостаточно (мне писал об этом с Карельского перешейка, где и погиб, школьный друг Миша), этот недостаток начали спешно устранять. Вначале армия получила автоматы марки ППД (пистолет-пулемет Дегтярева), а позднее — более модернизированный ППС (пистолет-пулемет Шпагина). Однако к началу войны ими были вооружены лишь 1-2 бойца стрелкового отделения.

Обилие имущества, находившегося на складах, не удивляло. Многие годы каждое предприятие, будь то крупный завод или всего-навсего швейная фабрика, имели цех, который работал на оборону. Производимое в этих цехах не подлежало разглашению, и рабочие говорили просто: "Мы работаем на оборону". На каждом предприятии были специальные военпреды, которые тщательно следили за качеством предназначенной для армии продукции.

Именно во время мобилизации я с радостью наконец расстался с опостылевшими обмотками и впервые надел кирзовые сапоги. Тут же я засунул за голенище правого сапога алюминиевую ложку, рукоятку которой предусмотрительно загнул в виде крючка, чтобы она не провалилась внутрь сапога. Старослужащие говаривали: "Солдат с ложкой всегда будет сыт: повар зачерпнет из котла суп или борщ и нальет в любую посудину, хоть в каску, но если не будет ложки, ты только с завистью будешь смотреть на аппетитно уплетающих еду товарищей".

На четвертый день войны наш 45-й стрелковый корпус, отобилизовавшись, двинулся на запад, пересек границу с Белорусской республикой и занял оборону на реке Днепр между городами Рогачев и Жлобин, западнее условной линии, соединяющей Могилев с Гомелем. Штаб корпуса расположился в небольшой рощице в нескольких километрах от своих дивизий. Поскольку телефонная связь еще полностью не наладилась, мне приходилось пешком преодолевать это расстояние по нескольку раз в день, для того чтобы передать неотложные распоряжения начальника штаба и получить срочные донесения. Там, на передовых позициях, я с интересом наблюдал за тем, как кадровые военнослужащие умело роют окопы и хода сообщения, как обустраивают огневые точки артиллеристы, "привязывая" орудия к ориентирам на местности, (т. е. определяют коор-

динаты ориентиров и устанавливают положение, которое необходимо придать прицельным приспособлениям орудий). Создавая линию обороны, одна из дивизий нашего корпуса "оседлала" магистральную шоссеиную дорогу, которая вела из Бобруйска, расположенного за Днепром, на восток, в Кричев, Рославль, а там напрямиком на Тулу и Москву. Пока в этих местах было относительно тихо, и лишь долетавший с запада гул взрывов, напоминавший раскаты грома, говорил о том, что боевые действия совсем недалеко и скоро приблизятся к нам вплотную. Седой Днепр катил свои воды на юг, и я невольно подумал, что вот они через некоторое время достигнут Киева, потом Херсона, а затем вольются в мое Черное море, и, может быть, даже достигнут Одессы, о которой, равно как и о моих близких, у меня пока нет никаких сведений.

По шоссе из Бобруйска на восток двигались беженцы. Войска пока еще пропускали их через свои боевые порядки, и я имел возможность наблюдать вблизи за их скорбным шествием. Этот поток представлял собой весьма унылую картину: они передвигались, как правило, на ветхих пароконных повозках, в которые была впряжена только одна костлявая лошадка, а рядом шагал возница, держа в руках вожжи и кнут. Он был в пыльных стоптанных сапогах, носил картуз и поверх рубахи жилетку, несмотря на жаркое летнее время. В повозках на перинах и подушках размещались многочисленные дети, глядевшие на красноармейцев с присущим всем детям смешанным чувством страха и интереса.

Бородатые мужчины, обычно старики, были лучшими физиономистами, чем я, поэтому быстро узнавали во мне своего соплеменника. Они оживлялись, и, видимо, надеялись получить от меня исчерпывающие сведения о том, как долго им еще придется убежать от немцев, и как скоро Красная Армия нанесет фашистам сокрушительный удар. Все они, перебывая друг друга, говорили на языке, которого я, увы, не понимал. (По детским воспоминаниям, на нем изредка говорила моя бабушка.) Когда они уразумели этот факт, на их лицах отразилось крайнее удивление: дескать, как же ты не понимаешь слова, обращенные к тебе на языке твоих предков? В тот момент я почувствовал укол совести. Действительно, как получилось, что я не знаю язык моего древнего народа? Неужели в этом следует винить моих родителей? Но ведь и они переходили на него лишь изредка в годы моего детства, только тогда, когда пытались скрыть от меня смысл своего разговора. Да и делали это неумело, перемежая речь русскими словами и дополняя ее выразительными жестами рук. А я прыгал на одной ноге и кричал, что я все понял: они хотят пойти в гости и отпра-

вить меня спать к бабушке, а я не хочу идти к бабушке, мне неприятно с ней спать! А мама в ответ говорила: "Вот, глупенький, ты ничего и не понял: мы говорили, что бабушка придет к нам и будет тебе перед сном читать сказку". И бабушка, жившая этажом ниже в семье своей старшей дочери, действительно поднималась ко мне и читала сказку Андерсена о стойком оловянном солдатике. Почему же она читала ее на русском языке? Почему она, вообще, читала Андерсена, а не рассказывала какую-то нашу народную сказку? Наверняка она знала их немало. Этому я мог дать только одно объяснение: тогда многие, в том числе и мои родители, видели разрешение векового еврейского вопроса в слиянии с культурой народа, на земле которого проживали, и старались этот процесс по возможности ускорить.

Удалось ли несчастным беженцам — моим соплеменникам — спастись и сохранить жизнь своих детей? Думаю, что нет, потому что всего через несколько дней на нашем участке фронта начались ожесточенные бои, а затем и наше отступление на восток.

Над нашими позициями по несколько раз в день появлялся немецкий самолет-разведчик "фоке-вульф". Он приближался на большой высоте, медленно кружил, высматривая и, по-видимому, фотографируя то, что представляло интерес, а затем улетал. Но в тот день, о котором я вспоминаю, он летел сравнительно низко, покружился над боевыми порядками, увертываясь от огня нашей зенитной артиллерии, и улетел, оставив за собой какое-то странное белое облако, которое медленно опускалось вниз. Вскоре стало заметно, что оно состоит из множества прямоугольных бумажных листков, которые, покружившись в воздухе, постепенно оседали на землю. Это были фашистские листовки, о которых мы были предупреждены командирами и политработниками, причем, от нас требовалось уничтожить "эту заразу", как они говорили, даже не читая. В случаях же "случайного прочтения" следовало воздержаться как от комментариев, так и от полемики и опровержения их содержания. Но именно это строгое предупреждение и подстегивало наше любопытство. Наблюдая за окружающими меня красноармейцами, я видел, как прежде, чем поднести спичку к кучке листовок, они их читали. Естественно, так же поступил и я. Содержание листовки, которую я прочел только до середины, было настолько отвратительным, что я даже вначале не понял, о чем идет речь. Потребовалось несколько секунд, чтобы уразуметь, что в них содержится утверждение, будто существует всемирный заговор еврейских "толстосумов", которые поставили перед собой цель завоевать весь мир, и что гит-

леровская армия, в основном, воюет только против них и против коммунистов, которые не лучше. Содержались и другие измышления, которые были так отвратительны, что о них и вспоминать не хочется. Ведь не зря же говорил министр пропаганды фашистской Германии Геббельс, что чем ложь невероятнее, тем она кажется правдоподобнее.

Вслух комментировать листовку не разрешалось, но никто не мог мне запретить мысленно полемизировать с ее автором. Это кто "толстосумы"? Может быть, мои бабушка и дедушка, в бедности воспитывавшие пятерых детей? Когда положение стало совсем тяжелым, дедушка со старшим сыном поехал на заработки в Аргентину, откуда вернулся после безуспешных мытарств через три года нищим и больным (на обратном пути он заразился на корабле сыпняком и вскоре по приезде умер). Старшего сына бабушка больше не видела, а оставшихся четверых поднимала сама. Может быть, "толстосумом" является мой отец, который вместо учебы вынужден был в четырнадцатилетнем возрасте начать работать? Может быть, капиталистом является мой любимый дядя Филя, мамин брат, с шестнадцати лет работавший электриком, один из первых выпускников Одесского политехнического, строитель "Запорожстали" и главный электрик одного из заводов этого гигантского комбината? Тот дядя Филя, который всегда ходил в неизменной рабочей спецовке, в нагрудный карман которой была засунута логарифмическая линейка, заменявшая в те годы калькулятор.

О подобных измышлениях я читал еще в школьные годы, когда знакомился со стенографическим отчетом знаменитого дела Бейлиса, который якобы убил гимназиста Лещинского, чтобы получить его кровь для ритуальных религиозных обрядов. Мне помнится, что в этом отчете было приведено выступление писателя-гуманиста В.Г. Короленко, который смело поднял свой голос в защиту Бейлиса, и суд присяжных, в составе которого были и учителя, и простые люди — ремесленники и лавочники — оправдал его. То, что я прочел в фашистской листовке, было гнуснее крайнего антисемитизма, и мне казалось, что в это никто не может поверить. Увы, в это поверили. Прошло всего три-четыре года после победоносного завершения войны, как я прочел в таких авторитетных газетах, как "Правда" и "Известия", выпускаемых миллионными тиражами, о людях "без роду и племени", "беспачпортных бродягах", "безродных космополитах" и, наконец, о "врачах-вредителях". А разве сейчас не об э т о м пишут в газетах и брошюрах люди, претендующие на ученость и образованность?

Я так и не дочитал листовку и с удовольствием поднес к ней спичку. Горечь от клеветы, которая содержалась в гитлеровской листовке, быстро

прошла, когда я посмотрел вокруг себя и увидел знакомые лица однополчан, из уст которых за время военной службы я ни разу не услышал слов, оскорблявших мою национальную гордость. С полной ответственностью могу утверждать, что в армии в годы Великой Отечественной войны ни антисемитизма, ни великорусского шовинизма, ни национализма любого оттенка не было и быть не могло.

Между тем рытье огневых точек и окопов заканчивалось: красноармейцы подсыпали грунт, создавая брустверы, рыли небольшие ниши в стенах, куда укладывали боеприпасы и некоторые личные вещи. Впереди окопов в некоторых местах были выложены рулоны материи. Оказалось, что они имеют совершенно определенное военное назначение: при подлете нашей авиации их раскатывают и тем самым указывают, что в этих окопах находятся свои, и это наш передний край. Таким несколько архаичным способом осуществлялась тогда связь пехоты с авиацией. Лишь позднее, в 1942 г. эта связь стала более совершенной: представители воздушных соединений, находясь в боевых порядках пехоты, по радиации направляли и руководили действиями своих самолетов.

Напряженный военный день заканчивался, солнце почти скрылось за горизонтом, донесение в штаб мне уже вручили, и пора было возвращаться. Но в этот момент к передовой линии подъехали полевые кухни, которые до этого в какой-то лошадке варили для бойцов ужин. В воздухе невыносимо вкусно запахло пищей, и повар, в числе других, "насыпал" и в мой котелок солидную порцию каши с мясом, которую я съел с нескрываемым аппетитом. То был последний мирный день для нашего корпуса...

2 июля 1941 г., на десятый день войны, на противоположном берегу Днепра появились немецкие танки. О приближении немецких войск, конечно, в штабе знали, потому что, когда я вернулся, там шла напряженная работа, и одновременно с ней проводились мероприятия по укреплению обороны самого штаба. Этими работами руководил начальник саперно-инженерной службы капитан Лопатин. Он собрал немногочисленное "войско" из числа красноармейцев комендантского взвода и различных штабных отделов, развел их по периметру опушки роши и указал места для рытья окопов. Довести работу до конца не удалось — мы все уснули с лопатами в руках в не полностью отрытых окопах, оставив их завершение на завтрашнее утро...

Следующий день был наполнен событиями до отказа... Со стороны реки доносился звук боя, интенсивность которого с каждой минутой нарастала. Артиллерийская канонада перемежалась со звуком пулеметных оче-

редей и разрывами авиабомб. Дивизии нашего корпуса упорно сопротивлялись, подбили множество танков, уничтожили большое число немецких солдат, но немцы действовали согласно выработанной ими тактике: встретив упорное сопротивление, они оставляли попытку пробиться "в лоб" и предпринимали обходные маневры. Мы узнали ранее не известные нам термины: "клинья" и "клещи". Суть этих военных акций состояла в том, что немцы, нащупав слабые места в нашей обороне, а такими местами обычно являются стыки между частями и соединениями, где военное руководство особенно затруднено, так как подразделения-соседи подчинены разным командирам и штабам, вбивают в эти места "клинья" из мощных танковых групп, подкрепленных пехотой и авиацией. Затем "клинья" углубляются и превращаются в "клещи", которые смыкаются вокруг наших войск. Сильному противнику трудно противостоять лицом к лицу, даже имея за спиной надежный тыл, возможность подкрепления, санитарную службу. Но во сто крат трудней воевать в окружении! В моей памяти всплывают картины лета и осени 1941 года, и, прежде всего, бои в окружении, а таковых было не много и не мало — ровно семь. Какие возможности представляет судьба бойцу, попавшему в окружение? Можно умереть, но это не лучший выход из положения, можно сдать, но это равносильно смерти, и значит, выход остается один — воевать! Жизнь научила, что лучше воевать большими группами. Появился даже термин: "вышли из окружения с боем". Удавалось иногда выйти из окружения и одиночкам, но на них смотрели подозрительно, не подсланы ли они фашистами.

Первое окружение, в которое я попал, произошло в описанном выше лесочке. Поздним вечером, когда мы прикорнули в своих окопах, шестерых из нас поднял по тревоге капитан Лопатин, так как он только что получил распоряжение об усилении обороны штаба. Когда мы собрались, он вручил каждому из нас по две противотанковые мины со словами: "я понимаю, что вы не саперы и не обучены минированию, но этих мин не следует бояться — они сконструированы таким образом, что взрываются только под тяжестью танка или автомашины, а человек может на мину даже спокойно стать, и она не сработает". Для убедительности он вытащил из кузова машины небольшой металлический квадратной формы ящичек с ручками для переноски и штампованными рифлениями для прочности корпуса, положил на землю и встал на него обеими ногами. Я ощутил неприятный холодок в груди, но мина действительно не взорвалась.

Капитан продолжал: "Вы отойдете от опушки на 200 шагов — не забывайте их считать, и приступите к установке мин. Грунт здесь рыхлый, пес-

чанный, однако при необходимости используйте саперные лопатки. Глубоко не зарывайте и тщательно присыпьте каждую мину землей. Один из вас (тут он указал на меня) будет идти по дороге, двое — справа от него на расстоянии пяти шагов, трое на такой же дистанции друг от друга слева. В результате ваших действий будет перекрыт путь к нашему штабу по единственной грунтовой дороге. Все ясно? Вопросы есть? Ну что же, вперед, ребята!"

Что чувствовал я, и какие мысли пронеслись в моей двадцатилетней, совсем еще юной голове в тот момент, когда я сделал первые шаги и погрузился в темноту тревожной фронтовой ночи? Прежде всего, острое чувство опасности, угрожавшей мне отовсюду. Но это не был панический страх, нет, мое сознание работало достаточно четко и рождало самые разные мысли. Опасность, прежде всего, таится в этих чертовых минах, которые я нес! Кто знает, хоть они и не взрываются под тяжестью человека, но вдруг "сарахнут" от толчка или даже от сотрясения... Значит, нужно отвести руки с минами в стороны, подальше от приклада винтовки и саперной лопатки, торчащих по бокам моего туловища. Примерно так, как несут ведра, наполненные водой. Хорошо. Но главную опасность, конечно, представляют немцы, вдруг они уже выслали разведчиков, которые охотятся за "языком"? Это я — "язык"? Черта с два! Мины на землю, винтовку с плеча и досылаю патрон в патронник! Вот так спокойней! Вперед, Боря! А сколько я уже сделал шагов? Кажется, тринадцать. Что значит "кажется"? Не "кажется", а точно, ведь Циля живет в Отраде в доме под таким номером. Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... Вот бы увидела она меня сейчас, убедилась, что полюбила не какого-то слонтя, а настоящего воина. Да, да, воина. Почему капитан Лопатин именно мне поручил самый ответственный участок дороги? Наверно, во мне есть что-то такое, ну, если не героическое, то смелое... А что бы сказали родители? Папа, конечно, язвительно заметил бы, что я всегда люблю "выпендриваться": первым идти сдавать экзамен, попасть в президиум собрания или на "Доску почета". А ты, дорогой папочка, каков? Кто всем показывал газету, в которой твое учреждение было названо лучшим, и упоминалась наша фамилия? Все мы такие, это для нас придумано "соцсоревнование", "Доска почета" и звания "ударник", "передовик", и пр. А мама? Нет, ее лучше не посвящать в происходящее, она может потерять сознание от страха. Пятьдесят шесть, пятьдесят семь, пятьдесят восемь... А почему я решил, что она меня любит? Глупец, разве это сейчас важно? Где она, где Циленька и что с ней? Восемьдесят три, восемьдесят четыре, восемьдесят пять...

Неожиданно над рекой появились две осветительные ракеты, и вся местность озарилась призрачным светом. Бросок на землю невозможен, в руках мины! Присел на корточки и пригнул голову в каске. Как, однако, долго они горят, эти ракеты, а вот и еще одна. Интересно, кого немцы высматривают, не меня ли? Но вот наступила относительная темнота, можно двигаться. Сто пятнадцать, сто шестнадцать... Стоп, что это шевелится всего в нескольких шагах от меня? Неужели немец? Мины — на землю, винтовку — с плеча, направил на неизвестного и громким голосом:

- Хальт. Стреляю без предупреждения! Их верде шиссен!
- Ти що, з переляку з глузду з'їхав? Борисе, це ж я, Микола!
- Прости, не признал, силен ты ползти с двумя минами в руках!
- Та ні, одну я приховав з самого початку...
- И как ты ее теперь в темноте собираешься найти?
- Я встромив біля неї гілочку... А ну стривай, я зараз повернуся за нею...

Продолжаю шагать и веду счет. Наконец-то двести! Приступаю к минированию. Да это же совсем просто, даже лопатка не нужна: разгребаю дорожную пыль руками, погружаю в ямку мину и присыпаю землей. Затем сгребаю лишнее, и теперь немцам ни за что не обнаружить мою мину! Таким же образом поступаю со второй. Готово, можно возвращаться! Вполголоса докладываю: "Товарищ капитан, ваше приказание выполнено, мины установлены". Что ни говори, а в армии есть и свои "приятности", и среди них слова командира: "Благодарю за службу!", а ты в ответ: "Служу Советскому Союзу!". Довольны оба — и командир, и солдат. Нет, друзья, армия есть армия!

Всю ночь у реки продолжался бой, и к утру немцам удалось форсировать Днепр и потеснить наши дивизии, а на одном из участков углубиться на 8-10 километров. Примерно в 9-10 часов утра вблизи расположения штаба корпуса, как раз напротив участка, на котором мы произвели минирование, раздался шум танковых моторов и лязг гусениц, а затем показались и немецкие танки. Они медленно ползли, и их башни, как у живых существ, хищно поворачивались из стороны в сторону, будто высматривая добычу. Внезапно раздался мощный взрыв, один танк замер на месте и послышался отчаянный крик: "Майн машин! Майн машин!". Поняв, откуда исходит опасность, остальные танки открыли беглый пулеметный и артиллерийский огонь по нашей рошце, но он был не прицельный и срезал лишь ветки деревьев над нашими головами. Танки начали совершать какой-то маневр, но в этот момент раздался второй такой же сильный взрыв, и на месте замер второй танк. Тогда уцелевшие три танка — очевидно, это

была не более чем танковая разведка, развернулись и ушли, а перед нами остались застывшие огромные, как нам казалось, уже не опасные два чудовища. В этот день немцы больше не появлялись, но нам было очевидно, что потерю двух машин они не оставят безнаказанной и обязательно вернуться. Во-первых, чтобы эвакуировать подбитые танки, и, во-вторых, чтобы рассчитаться с теми, кто укрылся в рощице, за их гибель. Вскоре над нашим расположением появился все тот же самолет-разведчик и долго кружился, стараясь нас выявить и определить нашу численность. Затем он улетел, и наступила зловещая тишина, не предвещавшая ничего хорошего. Поскольку оборона на нашем участке была взломана, очевидно, было принято решение об отходе на другой рубеж, но штаб пока оставался на месте, мы ждали прибытия командира корпуса комдива Магона, который всегда на своем маленьком броневичке мотался по передовой. Как выяснилось позднее, там он героически погиб, вступив в неравный бой с противником.

Полковнику Ивашечкину, начальнику штаба корпуса, было ясно, что мы срочно должны сменить дислокацию, так как шум боя доносился уже со всех сторон на достаточно близком от нас расстоянии. В целях маскировки он решил совершить наш переход ночью. С наступлением сумерек во время короткого затишья мы услышали, что из подорванных танков раздаются звуки человеческой речи. Капитан Лопатин приказал нам — тем, кто устанавливал мины, взять по две противотанковых гранаты и подползти к танкам возможно ближе, пока мы не попадем в "мертвую зону", недостижимую для танкового пулемета. Тогда мы должны встать и забросать танк гранатами, чтобы уничтожить оставшихся в живых фашистов. Вначале мы ползли достаточно быстро, но затем, видимо, потому, что каждый старался ползти чуточку медленнее соседа, почти остановились. Однако, вспомнив о приказе, мы возобновили движение, и вскоре наступил момент, когда нужно было вскочить с гранатой в руке и подбежать к танку на расстояние броска. Так получилось, что к первому подбежали мы — я и мой приятель Игорь, а остальные устремились ко второму танку. Вот мы уже в пяти шагах, затем в двух, а танк, вернее, тот, кто в нем находится, никак на это не реагирует. Наконец, мы подбежали к танку вплотную и заглянули через открытый люк внутрь: на месте механика-водителя лежал мертвый танкист, а звуки издавала танковая рация, которая оставалась включенной. Довольно явственно доносились слова немецкой речи и какие-то команды. Наше напряжение сменилось неестественным нервным смехом. Я покровительственно похлопал рукой по броне и не без

бахвальства обратился к другу: "Ну как, Игорь, ловко я установил мины?". Игорь, очевидно, удивленно посмотрел на меня, я, правда, в темноте этого не увидел, но я услышал в ответ от него: "Ты это брось, Борис, танк подорвался не на твоих, а на моих минах!". Поскольку определить, на чьих в действительности минах подорвалось это чудовище, было невозможно, мы уже собрались чисто по-братски "разделить его на двоих" — не терять же фронтовую дружбу из-за этого! Но в тот момент, когда мы уже пришли к этому дружескому решению, раздался голос третьего, подползшего к нам товарища: "Хлопці, бачите як я справно приховавав свої міни, попався-таки, гад!". Итак, появился еще один претендент на "наш" танк! Игорь не без сарказма поспешил ему тут же ответить: "Мыкола! Ты ошибся, вон тот — твой танк, поторопись, а то возле него уже кто-то вертится!". В ответ послышалось: "А звідкіля це ти дізнався, що саме той — м і й танк?". Игорь засмеялся: "Так на нем же написано — "Подбил Мыкола Поберезнюк!".

Тем временем мы занялись обследованием нашего боевого трофея. Над поврежденной правой гусеницей были прикреплены два больших деревянных ящика, они оказались заполненными различными поношенными предметами женского и мужского туалета. Господи, подумал я, так немцы не только убийцы, а и просто барахольщики и мародеры! Мы уже надумали возвращаться, но тут неожиданно мои мысли вернулись к мертвому танкисту, и я сказал: "Игорь, нам, наверно, как говорится, надо "предать тело земле!". "Ну да, — ответил он мне, — может, еще и цветочки на могилку положить? Мы какое получили приказание? Обследовать танк. Мы выполнили его? Выполнили. А что сказал капитан Лопатин, провожая нас? Возвращайтесь немедленно по выполнению задания. Так почему же мы с тобой тут задерживаемся? А о мертвом немце ты не волнуйся. Слышишь, вон уже доносится шум "похоронной команды!".

Действительно, шум немецких танков приближался к нашей роще. Когда мы возвратились и попытались обо всем доложить капитану Лопатину, он не дослушал нас и приказал: "Быстрее, в машину!". Небольшая колонна штабных "полторок" уже была выстроена на грунтовой дороге, опоясывающей рощицу. Впереди была легковая машина начальника штаба, а за ней пустой грузовик, в который начальник штаба и распорядился усадить нескольких красноармейцев. В маршрут нашего движения он, конечно, никого не посвятил по вполне понятной причине. В те дни по всей стране, а особенно в армии, была очень развита шпиономания. В каждом незнакомом человеке подозревали немецкого парашютиста, впрочем,

для этого были основания. В сторону нашего штаба ночью кто-то регулярно выпускал сигнальные ракеты, и это можно было объяснить только наличием переодетых лазутчиков врага в нашем тылу. Учитывая это, командиры старались не распространяться о перемещениях войск.

Погрузку на машины пришлось ускорить, так как грохот гусениц немецких танков слышался все явственнее. Колонна тронулась, довольно быстро проехала мимо деревни Грудиновка, а за нею и строений совхоза "Красный осоавиахимовец" и вытянулась на магистральной дороге. Машины двигались с выключенными фарами, а для ориентировки в темноте к заднему борту каждой был прикреплен развернутый газетный лист, который служил водителям ориентиром для соблюдения необходимого интервала.

Тем не менее, нас, по-видимому, заметили, и несколько танков погнались непосредственно за нами, а поскольку догнать они нас не сумели, то открыли беспорядочный огонь. К счастью, он не причинил нам никакого вреда. Когда наша колонна приблизилась к одной из развилок дорог, стало ясно, для чего следом за машиной начальника штаба следовала машина с красноармейцами. Полковник Ивашечкин приказал одному из нас спуститься и остаться на этом месте в качестве "маяка" — указывать всем следующим машинам, какую из двух дорог следует выбрать. Так постепенно, оставляя на пути такие "маяки", колонна выбралась из окружения. Когда солнце уже светило достаточно ярко, полковник "выдернул" из машины и меня, приказав то же, что и всем моим предшественникам. Я задал вопрос, как я узнаю, какая машина будет последней, на что он ответил: "А ты прояви солдатскую смекалку". И вот первые машины проследовали дальше, а я остался один. Слева от меня у какой-то деревни шел ожесточенный бой, мне были видны следы трассирующих пуль и разрывы снарядов. Я по дуруости "маячил", стоя во весь рост и всматривался в ту сторону дороги, откуда можно было ожидать появления наших машин. Действительно, вскоре прошла одна, за ней еще две, а потом сразу три. Узнавал я их по номерным знакам, начинавшимся с определенной буквы алфавита.

Внезапно я услышал звук немецкого самолета, он снижался и явно устремлялся ко мне. Только тогда я сообразил, что "маячить" лучше лежать в придорожной канаве, но было уже поздно: он начал вести по мне огонь. Вот так немцы охотились в 41-ом году не только за колоннами и отдельными машинами, но даже за одиночным солдатом! Через некоторое время подъехала запоздавшая машина, и когда я спросил у шофера, движется ли кто-нибудь за ним, он ответил отрицательно. Пора было "проявлять сме-

калку", и я прыгнул в кузов и благополучно достиг места сосредоточения штаба и наших дивизий. А дальше продолжалось все в той же последовательности: опять временный оборонительный рубеж, опять бои и опять отступление... И так в течение всего 1941 года.

Особенно ожесточенно бомбили и обстреливали с воздуха немецкие летчики автомашины на магистральных дорогах. Их действия в военной обстановке были бы понятны, если бы речь шла только о машинах с военной техникой или с солдатами, идущими к передовой, но они так же безжалостно обстреливали и машины с большими красными крестами на крыше и бортах, не менее жестоко поступали и с толпами мирных беженцев, движущихся на восток от линии фронта. Немецкие самолеты налетали с запада и проносились над дорогой, не стреляя и не сбрасывая бомб, потом, удалившись на три-четыре километра, они внезапно разворачивались, максимально снижались и начинали обстрел из пулеметов и малокалиберных орудий, а также высыпали на наши головы сотни мелких бомб. Стремясь максимально деморализовать свои жертвы, немецкие пилоты нередко использовали придуманный ими необычный прием: один из "юнкерсов" набирал высоту и затем сбрасывал на землю какие-то большие предметы, которые неслись к земле, издавая жуткое, совершенно непереносимое завывание. Этот мощный звук заставлял людей предположить, что сейчас рядом взорвется авиабомба — в ужасе они покидали придорожные канавы или другие укрытия, а этого только и ждали фашистские стервятники, и расстреливали на бреющем полете обезумевших от ужаса бегущих людей. Опытные солдаты объясняли, что немцы в этих случаях сбрасывают всего-навсего продырявленные бочки из-под бензина.

В первые месяцы войны немецкая авиация действовала почти безнаказанно. 22-23 июня 1941 г. многие наши самолеты были уничтожены в результате внезапной бомбардировки аэродромов, а оставшиеся невредимыми истребители И-16 явно уступали в скорости, маневренности и мощности вооружения немецким "мессершмидтам-109". Это было ясно даже нам, красноармейцам наземных войск. Затаив дыхание, мы следили за воздушным боем. Наши храбрые летчики пытались атаковать "юнкерсы" и помешать им творить свое черное дело, но, увы, одной смелости было мало — подлетевшие "мессеры" без труда справлялись с ними. Трудно было смотреть на трагическую картину воздушного сражения, чувствуя свое бессилие и отсутствие какой-либо возможности помочь нашим летчикам. Разве можно забыть, как они выпрыгивали из горящих самолетов и, успев раскрыть парашют, становились легкой мишенью для немецких самолет-

ных стрелков. Зато какую радость ощущали мы, пехотинцы, когда загорался ненавистный "мессер", подбитый нашими истребителями. Дружное "ура!" раздавалось в окопах и лесочках, бойцы на минуту забывали о собственных невзгодах и трудностях. Так продолжалось до ноября-декабря 1941 г., когда на фронт стали поступать "ЛАГи", а затем и "Яки", которые уже могли вести воздушные бои с немцами на равных.

Приходилось пользоваться подсказанной жизнью тактикой движения по дорогам: пока немецкие летчики тебя не заметили — гони со всей возможной скоростью. Даже когда кто-либо при виде "юнкерсов" кричал: "Воздух!", не следовало сразу же останавливаться, а можно было проехать еще несколько сот метров, пока не увидишь, что самолеты разворачиваются для атаки. Вот тогда — стоп-машина! — а все "пассажиры" — долой из кузова и заползают в любую ямку, канавку, просто складку местности. Отбомбившись, немцы улетали — можно было стремительно взобраться в кузов и проехать еще один-два километра до их возвращения. Увы, после каждого такого "броска" мы не досчитывались и нескольких машин, и нескольких товарищей. Но двигаться вперед было совершенно необходимо — таков был приказ! Нас ждала очередная линия обороны. Плохо только, что "Вперед!" означало по-прежнему "на восток"...

Однако и немцы с первых же дней войны не только несли значительные потери в живой силе и в технике, но, что было для них совершенно необычным, попадали в плен. На одном из допросов военнопленных мне довелось присутствовать в июле 1941 г. Я попал на него благодаря своему другу Игорю, бывшему студенту иняза, он хорошо знал немецкий и был нештатным переводчиком при нашем штабе. Именно он "подсказал" начальнику разведотдела, что меня можно использовать для снятия копий с топографических карт, отобранных у немцев. Начальник разведки корпуса сидел за небольшим складным столиком и просматривал личные документы пленных. Перед ним стояли двое: офицер в чине капитана (по-немецки гауптман) и рядовой. С первых же минут бросилось в глаза, с каким почтением немецкий солдат даже в плену относился к своему офицеру. Когда майор предложил им обоим сесть на ящики из-под артиллерийских снарядов, заменявшие табуреты, офицер поблагодарил и сел, а солдат продолжал стоять до тех пор, пока гауптман кивком головы не разрешил и ему это сделать. Майор объявил пленным, что советское командование гарантирует им жизнь и питание в плену. И это были не пустые слова: уже в первые дни войны специальным приказом для военнопленных немцев была установлена норма питания, хотя и ниже, чем для красноар-

мейцев, но почти не уступающая пайкам, которые получало население по продовольственным карточкам. Это даже вызывало возмущение многих из нас. Кроме того, в этом же приказе категорически запрещалось чинить самосуд над пленными.

Немецкий офицер, услышав слова майора, недоверчиво улыбнулся: он явно ожидал быстрого расстрела, о котором его, очевидно, предупреждали работники соответствующих отделов немецкой пропаганды. Поэтому майор повторил свои слова и подчеркнул, что они основаны на приказах советского командования. Вначале допрашивали солдата. Он охотно назвал фамилию, имя, место рождения, но когда майор задал ему несколько вопросов, касающихся его воинской части, солдат произнес очень странные слова: "На этот вопрос я буду отвечать только с разрешения господина гауптмана". Майор не понял и повторил через переводчика свой предыдущий вопрос, а когда понял смысл ответа солдата, добавил: "Почему? Вы ведь оба находитесь в плену". Ответ солдата был еще более наглым: "Когда война победоносно завершится, господин гауптман удостоверит перед фюрером, что он дал мне разрешение отвечать на ваши вопросы". У всех присутствовавших буквально зачесались кулаки от непреодолимого желания сбить спесь с этих чванливых завоевателей, но лишь майор сдержал себя и спокойно попросил переводчика разъяснить пленным, что советское командование гарантирует им жизнь только в том случае, если они будут себя вести в плену лояльно. Видимо, немцы его правильно поняли, и начали складно и подробно отвечать на все последующие вопросы. В карманах солдата находились две фотографии: на первой на фоне танка, похожего на тот, который подорвался на наших минах, расположилась группа людей в гражданской одежде. В центре на двух стульях сидели пожилые люди, по-видимому, его отец и мать, а он стоял между ними, обнимая их за плечи. На коленях отца сидела девочка, а на башню танка взобрался подросток, в руке которого был автомат, правда, без магазина. Он приложил оружие к плечу и имитировал стрельбу по воображаемому врагу. Надпись на обороте гласила: "Моя семья у моего танка". На второй фотографии была запечатлена солдатская койка в ряду подобных, на ней сидела женская половина персонажей предыдущего фото, а надпись была: "Моя любимая мама и сестра Эмма в спальне моей казармы". Я невольно вспомнил, что всего семь месяцев назад и моя мама посетила меня в топографической школе в Харькове. Она, как и все матери, поинтересовалась, где и в каких условиях спит ее сын, и поэтому попросила у дежурного разрешения пройти в казарму, постоять у моей койки. Разумеется, ей было

отказано из-за необходимости соблюдения военной тайны. Что уж говорить тут о фотографии ее или Цили с моим оружием! По-видимому, гитлеровское командование старалось внушить населению, что армия — неотъемлемая часть жизни всего немецкого народа, и танк, на котором будет воевать их сын, и его автомат — это "семейный танк" и "семейный автомат". К единению народа и армии стремились и в нашей стране, но совершенно иначе, не опускаясь до таких "бытовизмов".

В полевой сумке гауптмана были топографические карты с нанесенной "обстановкой", они-то и заинтересовали майора больше всего. Мне же интересной показалась небольшая книжечка под названием "Образцы вооружения Красной Армии. В ней были изображены силуэты всех наших самолетов, начиная от тяжелого бомбардировщика ТБ-3 и кончая истребителем И-16, который мы любовно именовали "ишачок". Там же были фотографии наших танков, в том числе сверхтяжелого КВ (Клим Ворошилов) и среднего Т-34, который только-только начал поступать в войска. Была сфотографирована полуавтоматическая винтовка СВТ-10 и новая модель противогАЗа, засекреченные до самого начала войны. Под каждой фотографией были приведены тактико-технические данные этого оружия. "Значит, разговоры о вражеской разведке, о необходимости "бдительности", — подумал я, — имеют под собой фактическое обоснование. Ведь кто-то все это высматривал и фотографировал!"

Несмотря на довольно большие потери в личном составе и технике, немцы все-таки упорно продвигались вперед, а мы отступали. Не следует думать, что мы отступали строго на восток: наши войска маневрировали, отходили то к северу, то к югу. Российские деревни и города сменялись украинскими, затем вновь российскими, да и граница-то между ними была весьма условна. Вот, к примеру, город Глухов и расположенная к северу Середина Буда — это Украина, а совсем недалеко, на расстоянии 20 километров, города Севск и Дмитриев-Льговский — это уже Россия. Тогда об этих границах никто не думал — то была одна страна, и был один народ, который нужно было защищать, не зависимо от республиканской принадлежности территорий.

Тяготы и трудности первого года войны способствовали тому, что мы, молодые красноармейцы, мужали значительно быстрее, чем это произошло бы при других обстоятельствах. Мы быстро раздались в плечах, наши гимнастерки стали тесноваты, пальцы приобрели светло-коричневый цвет и пахли махоркой. Даже быстрее прежнего стала отрастать борода! Во фронтовых условиях крепчал мужской характер, крепла особая фрон-

товая дружба и фронтовое братство однополчан. По существу, между нами не было секретов, и каждый знал о другом почти все и разделял с ним общие заботы и тревоги. Но почти у каждого был тот тайничок, в который он не допускал никого и который принадлежал только ему. У одних, подобно мне, то была подружка юности, у других — невеста, у третьих — жена, и каждого беспокоила, особенно по ночам, одна мысль: сохраняет ли тебе верность та женщина, которую ты выбрал себе в спутницы жизни? Кое-кому было легче, чем мне: они уже успели получить по одному, а то и по два письма и перечитывали их по многу раз, уединившись в каком-нибудь укромном уголке. Мне, как и многим другим моим товарищам, не имевшим из дома никакой весточки, было очень тяжело. Именно поэтому, когда во фронтовой газете было напечатано стихотворение Константина Симонова под названием "Жди меня", оно привлекло внимание всех молодых красноармейцев. Его вырезали из газет, переписывали, учили наизусть, носили в нагрудном кармане или в сумке противогаза, при первом же удобном случае пересылали своим возлюбленным. Концовка стихотворения "ожиданием своим ты спасла меня" не только запомнилась всем, но и стала как бы мистическим заклинанием, в которое многие поверили...

Во время длительного своего отступления мы часто останавливались в придорожных домах. Гостеприимству хозяек не было предела! Они, как правило, сами солдатки, отдавали в наше распоряжение весь дом, а сами с детьми забирались на печь и уже оттуда давали советы, как лучше расположиться на ночлег, где взять солому для подстилки. А когда мы засыпали, при свете керосиновой лампы они до утра латали нашу одежду и пришивали пуговицы. Утром на столе для нас стоял чугунный котелок с только что сваренным картофелем, и когда мы уходили, горячо поблагодарив за ночлег, они напутствовали нас словами: "Возвращайтесь, родненькие, побыстрее, не оставляйте нас надолго под проклятым фрицем!".

В то время солдат фашистской армии уже перестали называть "немцами". Совершенно неожиданно, неизвестно по чьей инициативе, они все были переименованы во "фрицев". Почему именно это немецкое имя было выбрано в качестве нарицательного, никто не знал, но, подчеркивая ненависть и презрение, писали его с маленькой буквы: "фриц бомбит", "фриц свирепствует", "фриц драпает"...

В августе-сентябре 1941 г. я обратил внимание, что моя кожа, особенно по ночам, сильно зудит. Вначале я совершенно не понимал, в чем дело, но однажды на берегу небольшой речушки, решив искупаться, я разделся.

Когда я сбросил с себя сатиновую майку и трусы, то при ярком солнечном свете увидел вдоль всех швов какие-то белые точки, между которыми гнездились подвижные отвратительного вида насекомые. То были вши!

Я несколько не стыжусь признаваться в этом, потому что в те месяцы фронтовики были завшивлены поголовно. Даже когда удавалось искупаться где-нибудь в реке или пройти санобработку, то достаточно было остановиться на постой в хате и поспать на соломе — кровожадные враги рода человеческого снова переползали на тебя со случайных соседей и набрасывались на мытое тело с удвоенным остервенением. Бывало, я просил хозяйку поставить в печь утюг и затем помочь мне прогладить им одежду. Потрескивание насекомых-кровопийц при соприкосновении с раскаленным утюгом доставляло мне ни с чем не сравнимое удовольствие и вселяло надежду на избавление, но в борьбе с ними ничего не помогало, даже баньки "по-черному", которые мы растапливали до совершенно невыносимой температуры, при которой случайно прикосновение металлической пуговицы вызывало настоящий ожог. Что спасло нашу армию и гражданское население от эпидемии тифа, как это было в 1918 году, не знаю...

В конце августа 1941 г. произошло событие, которое чуть было не сыграло самую негативную роль не только в моей военной судьбе, но и во всей дальнейшей жизни. В ходе отступления мы переправились через небольшую речку по старому мостику и обосновались в лесочке. За штабом корпуса должны были переправляться наши дивизии. Между тем "фрицы", для того чтобы воспрепятствовать этой переправе, предприняли бомбардировку мостика. Пикирующие "юнкерсы", числом не менее 10-12, образовав в воздухе кольцо, по очереди сбрасывали бомбы. Бомбардировщики подобного типа получили название "пикирующих", потому что при бомбометании они переходили в пики, т. е. резко опускали нос машины и тем самым как бы прицеливались всем своим корпусом, затем, сбросив бомбы, они выравнивались и продолжали горизонтальный полет. На сей раз они бомбили достаточно бездарно и в злосчастный мостик никак не могли попасть. При выходе из пики "юнкерсы" проносились как раз над тем лесочком, в котором притаились мы. Видеть над собой низко летящие самолеты, низко настолько, что просматривались сквозь колпак кабины силуэты летчиков, а на крыльях сверкала свастика, было для меня нестерпимо. Я вскочил, приложил к плечу винтовку и успел сделать три выстрела. Я оказался не столь удачлив, как небезызвестный герой Твардовского Василий Теркин, и самолет не сбил, но несколько утихомирил свою ярость.

Когда самолеты отбомбились, так и не разрушив мостик, и улетели, види-

мо, для пополнения боекомплекта, вокруг меня собралось несколько однополчан, которые оживленно обсуждали происшедшее. Некоторые с видом знатоков упрекали меня за то, что я не учел скорость самолета и не сделал так называемое "упреждение", другие, наоборот, не менее авторитетно утверждали, что я сделал слишком большое "упреждение", короче, можно было подумать со стороны, что такие стрельбы по самолетам у нас проводятся ежедневно.

Во время этой "разборки" к нам подошел тарший лейтенант, оперуполномоченный особого отдела НКВД при штабе нашего корпуса. Все ждали, что он также включится в обсуждение вопроса о технике стрельбы по фашистскому самолету, но он лишь полюбопытствовал, кто именно из солдат совершил эти выстрелы. Я, грешным делом, ждал от него если не похвалы, то хоть какого-то одобрения, поэтому то, что я услышал, поразило меня вдвойне и лишило дара речи: "Ты зачем стрелял по самолету? Хотел демаскировать штаб корпуса? Может быть, ты и раньше этим занимался?". Он посмотрел на меня зло и неприязненно. Ребята окружили меня стеной, а комсорг попытался объяснить особисту, что я проверенный активный комсомолец, хорошо веду себя в боевой обстановке и стрелял по самолету из самых лучших побуждений. Продолжению этого разговора помешали снова прилетевшие для повторного бомбометания немецкие самолеты, но я понял, что с этого момента нахожусь "под колпаком" у особиста, а чем это обычно заканчивается, всем было хорошо известно. Неожиданную помощь мне оказал в этом деле сам Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин: через три дня после описанного происшествия в войска, в том числе и в штаб нашего корпуса, был прислан приказ за его личной подписью о том, что пехоте надлежит открывать по низко летящим самолетам противника огонь из всех видов оружия, включая даже личное оружие командиров, т. е. пистолеты. Конечно, после этого приказа особист не мог предъявить мне уже никаких претензий, но при каждой нашей встрече, тем не менее, продолжал на меня подозрительно смотреть.

К слову сказать, "особые отделы" в армейских соединениях просуществовали лишь до 1942 года. Затем они были преобразованы в отделы контрразведки "СМЕРШ" ("Смерть шпионам"). Логично было бы называть с этого времени сотрудников этого отдела "контрразведчиками", но армейские остроловы окрестили их "смертниками", и это прозвище сохранилось за ними до конца войны.

